

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

УДК (323.1+37.035.4):94

А.В. Лубков

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

К проблеме соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе второй половины XIX – начала XX в.

Проблема соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе отечественной истории сохраняет свою актуальность. Особенно остро эта проблема проявила себя в период Польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., напрямую связанных с проблемой возвращения Северо-Западного края в сферу влияния России и значимости решения вопроса о воссоздании условий для целостного развития единого русского народа. Во второй половине XIX в. общественными и государственными деятелями было предложено различные проекты строительства национального государства в соответствии с различным пониманием «русскости». Одни отстаивали сохранение целостности и неделимости единого унитарного государства и рассматривали формирование национально-культурной идентичности как надконфессиональной полиэтнической общегражданской нации. Другие акцент делали на религиозной и этнонациональной идентичности. Третьи предлагали варианты автономизации имперского пространства. В XIX в. в понимании «русскости» отсутствовал какой-либо стандарт. В XX в. целостность восприятия национально-культурного кода народа трансформируется в некие отдельные метаморфозы. Глубоким водоразделом подобного модифицирования для многих

© Лубков А.В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

представителей интеллектуальной элиты стали события 1917 г. Полемичным в общественно-государственном дискурсе оставался вопрос о соотношении русской национально-культурной идентичности и гражданской идентичности, «русскости» и «советскости». Свою остроту и дискуссионность проблема удерживает и в исследовательском пространстве. Предложенное автором решение задачи внутреннего синтеза является своего рода продолжением начатой в российской исторической науке дискуссии (альманахом «Тетради по консерватизму». 2024. № 1) по проблеме соотношения «русскости» и «советскости», видоизменению или сохранению русскости в советский период. Вопрос, является ли все советское антирусским или, напротив, советское явилось продолжением «русскости», заслуживает пристального дальнейшего изучения, особенно ввиду разговора о формировании национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: русскость, духовно-культурная целостность, русское национальное самосознание, воспитание национально-культурной и гражданской идентичности

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Лубков А.В. К проблеме соотношения имперского и национального в общественно-государственном дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 11–26. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

A.V. Lubkov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

On the problem of the relationship between the imperial and the national in the Russian public-state discourse of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries

The problem of the correlation of the imperial and national in the public-state discourse of the national history is still topical. This problem became

especially acute during the Polish uprisings of 1830–1831 and 1863–1864, directly connected with the problem of the return of the North-Western region to the sphere of Russia's influence and the importance of solving the issue of recreating conditions for the integral development of the united Russian people. In the second half of the XIX century, various projects for the construction of a nation-state were proposed by public and state figures in accordance with different understandings of "Russianness". Some advocated the preservation of the integrity and indivisibility of a single unitary state and considered the formation of national-cultural identity as a supra-confessional poly-ethnic all-citizen nation. Others emphasized religious and ethno-national identity. Still others offered variants of autonomisation of the imperial space. In the XIX century, there was no standard in the understanding of "Russianness". In the XX century, the integrity of the perception of the national-cultural code of the people is transformed into some separate metamorphoses. The events of 1917 became a deep watershed of such modification for many representatives of the intellectual elite. The issue of the correlation between Russian national and cultural identity and civil identity, "Russianness" and "Sovietness" remained polemical in the public and state discourse. The problem remains acute and debatable in the research space. The solution to the problem of internal synthesis proposed by the author is a kind of continuation of the discussion started in historical science on the problem of the correlation between "Russianness" and "Sovietness", the modification or preservation of Russianness in the Soviet period. The question, whether all Soviet is anti-Russian or, on the contrary, the Soviet was a continuation of "Russianness", deserves close further study, especially in view of the conversation about the formation of national-cultural identity.

Key words: Russianness, Russian national self-consciousness, education of national-cultural and civic identity, spiritual and cultural integrity

FOR CITATION: Lubkov A.V. On the problem of the relationship between the imperial and the national in the Russian public-state discourse of the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 11–26. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-11-26

Проблема сохранения культурно-исторического кода в процессе развития государства и общества, сложного и противоречивого, с сопутствующими модернизационными переменами, так или иначе проявляет себя в самые различные эпохи отечественной истории, и дореволюционной, и советской, и современной. Тогда и сейчас высказываются разные, не только противоположные, но зачастую резко противоборствующие

позиции. Причины этого кроются во взаимосвязи подходов к формированию национально-культурной идентичности с вопросами национальной безопасности и благополучия в будущем.

Неслучайно в 1941 г. на Красной площади в словах вождя, обращавшегося к тем, кто уходил 7 ноября с парада на фронт, звучали имена героев Русской земли: Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Михаила Кутузова и Александра Суворова. В призыве Сталина соединялись эпохи и люди в нетленной памяти истории. Знамя великого Ленина на святом для каждого русского человека месте, каким остается Красная площадь, развевалось, как когда-то знамена великих русских полководцев осеняли головы солдат¹. Понятия «отечество», «родина», «патриотизм» из мира призраков дореволюционного царского прошлого возрождались в национальном сознании на твердом фундаменте исторических ценностей русского народа. Для новых поколений нашей молодежи определить свою национальную и гражданскую идентичность становится все труднее. Поэтому вопрос, кем станет молодой человек в жизни: боевиком «Правого сектора» или членом «Молодой гвардии», героем Краснодарского подполья, сохраняет остроту и актуальность для нас сегодня.

Вопросы воспитания национально-культурной идентичности не менее актуальными были и в XIX в. В контексте широкой социальной трансформации во второй половине XIX в. в борьбу за умы вступили самые разные общественные силы, используя весь арсенал средств. На публицистическом фронте разгорелась ожесточенная борьба за формирование и влияние на общественное сознание. Значимость печати в воздействии на общество прекрасно осознавалась в т.ч. и высшими сановниками, стремившимися привлечь авторитетнейшие органы печати к тесному сотрудничеству. Таковыми, например, стали «Московские ведомости» М.Н. Каткова, одна из самых популярных и читаемых газет, в отношении которой министр внутренних дел гр. П.А. Валуев и министр народного просвещения А.В. Головин предпринимали усилия превратить издание в проводник преимущественно правительственного мнения [9]. Газета сохранила свой голос влияния на широкую читательскую аудиторию, противодействуя, как и другое издание М.Н. Каткова – «Русский вестник», нигилистической традиции, что было крайне важно, т.к. общество на протяжении XIX в. было отмечено процессами развития русского национального самосознания. Это верно заметил П.Я. Чаадаев².

¹ Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. (1941–1945). R.H. McNeal (ed.). Stanford, Cal., 1967. С. 35.

² Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма / отв. ред. З.А. Каменский. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 91–92.

«Выработка некой национальности в умах» означала не что иное, как становление и развитие общественно-государственного дискурса, затрагивавшего вопросы перспектив и судьбы России в качестве государства-цивилизации. Вопросы национальной безопасности страны стояли остро в 1830-е гг., что было связано не только с накатом революционных событий в Европе, показавшей всему миру, как легко летят головы с гильотины во имя справедливости, свободы, равенства и братства [5, с. 174–175], но и с событиями в Царстве Польском и в Северо-Западном крае.

Россия или Польша – таким образом звучала проблема в умах отдельных общественных деятелей. Ребром поставил проблему М.Н. Катков, т.к. вопрос о Польше был всегда и вопросом о России. Взаимоотношения между этими народностями были равнозначны вопросу жизни или смерти, поскольку независимая Польша не желала уживаться рядом с самостоятельной Россией, а поляку «недостаточно быть поляком; он хочет, чтоб и русский стал поляком, или убрался за Уральский хребет»³. Уступить польскому патриотизму, ярко себя проявившему в восстаниях 1830–1831 гг., а затем в 1863–1864 гг., означало, как утверждал М.Н. Катков, «подписать смертный приговор русскому народу»⁴.

В каком соотношении находится национализм с патриотизмом? Этот вопрос влечет за собой «польский вопрос», разрешение которого концентрировалось вокруг Белорусско-Литовского края, вновь обретенного Россией после разделов Речи Посполитой. Как справедливо отмечал А. Тойнби, угроза России со стороны Запада с XIII в. стала хронической [13, с. 214–215]. И только спустя многие столетия удалось возвратить отрезанные западными соседями русские земли. Хотя для некоторых «русских патриотов» эти земли и перестали ассоциироваться с русской историей, этнически они оставались плотно заселенными не только и не столько поляками и литовцами, но малороссами и белорусами.

Здесь во многом решалась судьба соперничающих русского и польского проектов строительства нации, а граница двух различных цивилизаций: западно-христианской (германо-романской) и восточно-христианской в лице русской православной цивилизации – прошла между братскими славянскими народами. Поэтому кардинальное значение имел февральский Полоцкий собор 1839 г., положивший начало восстановлению духовно-культурной целостности большого русского народа и этнической интеграции в него белорусов и малороссов, а также

³ Катков М.Н. Польский вопрос // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 185.

⁴ Там же. С. 190.

национальной самоидентификации белорусского народа. Эта была цивилизационная победа, вдохновленная кропотливыми начинаниями митрополита Иосифа (Семашко), возглавившего с конца 1820-х гг. процесс преодоления униатским богослужением обрядности и католических практик.

Отказ от Брестской унии и присоединение около 1607 прихождений и 1,5 млн верующих к православию знаменовал подрыв позиций полонизма и католицизма в Северо-Западном крае, представленном шестью губерниями: Ковенской, Виленской, Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской. Начиная с 1869–1870 гг. первые три из упомянутых губерний сохранили наименование северо-западных губерний, а за Минской, Могилевской и Витебской губерниями утвердилось название «белорусских».

Возвращение в лоно мощной славянской христианской культуры, основанной на византийской православной традиции и кирилло-мефодиевском наследии, упразднение канонических результатов длительной польско-католической экспансии и прозелитизма шло сложно. Многие регламентирующие и ограничительные меры оставались подчас на бумаге в силу наличия в бюрократическом аппарате немалого числа поляков. Приоритетом имперской власти долго время оставалась лояльность цивилизационная, но не ассимиляция и внедрение русской национальной идентичности. Обсуждение Николаем I возможности перевода польского языка на кириллицу связано, по мнению исследователей, скорее, с надеждой утвердить среди поляков такую версию польской идентичности, которая сочеталась бы с лояльностью империи и династии [7, с. 88]. Проект этот был возобновлен позже под началом товарища министра внутренних дел Н.А. Милютинина с участием филолога, балтиста С.П. Микуцкого и собирателя легенд и преданий А.Ф. Гильфердинга.

Ярко о векторе национальной политики свидетельствует и резолюция Александра II на записке митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко) о губительных последствиях примирительной политики в отношении поляков и латинской пропаганды в Западном крае от 26 февраля 1859 г. Александр II писал: «Я не понимаю, чего он хочет, ибо никогда и речи не было и в мысли мои не входило отступить от принятой при батюшке системы, стараться о слиянии в западных губерниях польского элемента с русским, но без всяких явных гонений и преследования поляков. А что я католикам не потворствую, то это, кажется, довольно ясно доказано на деле» [цит. по: 6, с. 28]. Исследователи склонны видеть двойственность в политике Александра II и «фасадный характер» царских милостей, распространявшихся во второй половине

1850-х гг. на Польшу и Западный край. Проведение примирительного курса было возможно лишь в тех пределах, которые не затрагивали незыблемости монархического строя и неприкосновенности границ империи [6, с. 29].

Вместе с тем, в 1830-е гг. в общественно-государственном дискурсе появляется тезис, как бы мы его сегодня охарактеризовали, о «русскости». Благодаря трудам историков Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, в публицистике и гимназических учебниках утверждается мысль об «исконно русском» происхождении населения присоединенных к империи западных земель⁵. Эта мысль основательно разрабатывается в славянофильской доктрине. «Народность», которой так много уделяется внимание славянофилами, обязательно включает такой важный критерий идентичности, как вероисповедание. «“Русский” означает “православный”» – известный тезис, высказанный И.С. Аксаковым. Славянофилы наполняли понятие «русскость» качествами, выстраивающими образ славяно-русского народа. Достаточно много исследований посвящено этой теме. Причем абсолютно очевидным для всех является тот факт, что ключевое внимание в этом образе отдается культурным самобытным характеристикам.

Акцент на культурном своеобразии чрезвычайно важен в формировании ответа на поставленный нами вопрос о соотношении национализма и патриотизма. Не только в западной, но и в отечественной историографии распространен взгляд о взаимосвязи славянофильства и русского национализма [1; 8]. Между тем, понятия националистического и национального – разные. Есть огромная разница между национальным прочтением истории, характера, своеобразия народа и национальной нетерпимостью, стремлением к доминированию и навязыванию своего господства другим, к которым применяется политика унижения и самопревозношения. Необходимо различать национальных и националистических мыслителей, здоровое национальное начало и «мнимый» национализм. Нельзя не согласиться с исследователями, показывающими отличие национализма политического, нацеленного любой ценой к национальной государственности, и национализма культурного, направленного на сохранение национальной самобытности [4, с. 63–66]. В любом патриотизме звучит национальное, не бывает абстрактного патриотизма. Однако важно различать, что в корне этого патриотизма?

⁵ Устрялов Н.Г. Начертание русской истории для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб., 1842. С. VII, IX, 178–181, 189–191; Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836. С. 37–38; Погодин М.П. Русский заграничный сборник. Ч. 4, тетр. 2: Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Берлин, 1860. С. 33–34, 63–65.

Здоровое или псевдонациональное начало? В этом плане показательна история польского «патриотизма» в отношении белорусско-литовских земель и народов, их населяющих. Латинство и польскость, этнический и цивилизационный стереотип поведения стали духовно-культурным ориентиром для порядка трех миллионов человек, проживавших на этой территории к концу XVIII в. Действительно, если Люблинская уния повергла белорусов и малороссов к ногам польских правителей, то Брестская уния отдала их в руки западных цивилизаторов⁶.

Уния, навязанная политическими методами, вела белорусов и малороссов к денационализации, выпадению из сферы влияния своей цивилизации, что подразумевало метаморфозы духовно-культурной самоидентификации. С конца XIV в. процесс этногенеза белорусов и малороссов оказался существенно искажен и заторможен. Отношение к вере, языку, культуре, социальному статусу не-поляка как к второсортному прочно и неискоренимо закрепилось на столетия. Враждебность, жесткий гнет и цивилизационное давление разрушали единство и цельность внутри этноса. Белорусы и малороссы фактически остались без своей культуuroобразующей элиты: элита тяготела к правам и привилегиям «аристократической веры», в связи с чем активно переходила в костел.

Элите принадлежит ключевая роль в формулировании жизненных смыслов и отстаивании сплывающих народ ценностей, что возлагает на нее определенную ответственность. Польская элита допустила три раздела Польши. Ее ряды формировались по образцу, неприемлемому для национального государства, что не ускользнуло от взоров и пера известного публициста. «Игралищем честолюбцев и иностранных интриг»⁷ называл М.Н. Катков польскую элиту. «Польская национальность держится только в шляхте и есть как бы душа, лишенная тела, но одержимая вожделием материализоваться...»⁸, – утверждал мыслитель.

Получается, что белорусы и малороссы были «обезглавлены», оставшись без элиты, а польская элита, наоборот, лишила себя своего народа. Феномен польского национализма в этом и заключается. Правдивая и беспристрастная польская история, как говорил М.П. Пого-

⁶ Романчук А. Воссоединение униатов и исторические судьбы белорусского народа. URL: <https://pravoslavie.ru/5276.html> (дата обращения: 26.04.2024).

⁷ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. № 3–4. С. 490.

⁸ Катков М.Н. Национальная и антинациональная партия в России // Катков М.Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2011. С. 417.

дин, «есть самая верная возница России, которая может принести нам пользы более нескольких крепостей»: «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления»⁹. Поэтому закономерен и ответ на вопрос о мнимой или здоровой природе польского патриотизма. Недаром во время польских восстаний Катков указывал на идеологическую подоплеку вопроса: Россия или Польша. История лишённого цельности польского народа свидетельствует о том, что польская национальность – скорее, не этнографическая особенность, а «это целый мир воспоминаний и притязаний»¹⁰. Следовательно, «поднять эту национальность – значит поднять весь этот мир воспоминаний и притязаний»¹¹. Трудно не согласиться с этим мнением.

Патриотическая направленность полемики Каткова по «польскому вопросу» разделялась министром внутренних дел П.А. Валуевым¹², который в корне, однако, расходился с публицистом по вопросу об устройстве национальных окраин. Лже-либеральное направление Петербургских канцелярий и дух космополитизма либеральных чиновников, в т.ч. на местах, в свою очередь, постоянно были на острие критики Каткова, солидаризирующегося с жесткой политикой виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в проведении кампании по деполонизации после Польского восстания 1863–1864 гг.

Кампания предусматривала сокращение присутствия католической церкви в Северо-Западном крае, которая исторически здесь ассоциировалась со сформировавшейся польскостью. На эту приоритетную цель ориентировались разнообразные меры, в т.ч. по секуляризации церковной недвижимости католической церкви, упразднению опеки шляхты над приходами, усиленному финансированию строительства каменных православных храмов и реконструкции старых, обращенных в XVII–XVIII вв. в костелы и т.д. Например, только с января 1864 по март 1865 г. М.Н. Муравьев выделил из имевшихся в его распоряжении средств более 900 тыс. руб. на строительство православных храмов, что позволило построить 98 новых церквей и 63 часовни,

⁹ Погодин М.П. Русский заграничный сборник. Ч. 4, тетр. 2: Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Берлин, 1860. С. 37.

¹⁰ Катков М.Н. Цельность и однородность русского государства // Катков М.Н. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. Русский консерватизм: Государственная публицистика / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб., 2011. С. 192.

¹¹ Там же.

¹² М.Н. Катков и граф П.А. Валуев в их переписке // Русская старина. 1915. Т. 163. С. 279–300, 403–413.

отремонтировать 126 церквей и относящихся к ним строений, переделывать в церкви 196 костелов и каплиц [6, с. 99]. Проблему национальной идентичности затрагивали и радикальные меры в Северо-Западном крае в отношении крестьян. Их освобождение было своего рода вызовом воззрениям шляхты на своих бывших крепостных как на принадлежность польской нации, потенциальных поляков [2, с. 168].

Кампания по деполонизации означала осмысление критериев русскости как таковой. Если одни, в лице прежде всего славянофилов, отождествляли «русскость» с православием, то другие, в лице М.Н. Каткова и некоторых его единомышленников, отстаивали взгляды о надконфессиональном идеале нации, который простирался далеко за рамки религиозной и этнонациональной идентичности. В XIX в. в понимании «русскости» отсутствовал какой-либо стандарт [12, с. 141]. Общественные взгляды на идеологическое отечество и национальный патриотизм, способы ассимиляции в Западном крае сигнализировали о сложности процесса кристаллизации национального самосознания.

Так, настойчивый противник русификации костела М.Н. Катков доказывал, что в обновленном реформами Российском государстве католик, говорящий по-русски, должен считаться равноправным с православным подданным. Другое дело, что католическая церковь в России олицетворяла у нас польскость, «дух завоевания», «огнем и мечом и католической пропагандой» распространяя польское владычество¹³.

М.Н. Катков стоял на позиции сохранения полиэтнического характера имперского социума как общегражданской нации. В понятие «русскость» он вкладывал не этническую или конфессиональную принадлежность, а преданность «нашему Отечеству, людей хотя бы и с иностранными именами, но русских по рождению, по языку, по образу мыслей, не принадлежащих, однако, к Православной Церкви»¹⁴. Речь шла о воспитании гражданской лояльности империи и выражении политического участия в делах своей страны. Неслучайно М.Н. Катков последовательно отстаивал вопрос о «представительстве» и политических правах для всех граждан России, вопрос устройства земств с деятельным участием выборных элементов и исключением бюрократических в обсуждении широкого круга местных нужд¹⁵.

¹³ Катков М.Н. Польский вопрос // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 190.

¹⁴ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе (римско-католическое исповедание) // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 447.

¹⁵ Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1863. № 3–4. С. 486–506.

Введение русского языка в дополнительное католическое богослужение при сохранении латинской литургии, замена польского языка русским в преподавании католического Закона Божьего в гимназиях, прогимназиях, уездных училищах и народных школах Северо-Западного края, пополнение клира католического духовенства неполяками, выселение лиц католического духовенства во внутренние губернии, Сибирь и другие меры политики обрусения имели неоднозначные последствия. В единый клубок противоречий здесь сплелись проблема отчуждения образованного общества от государства, слабая координация государственной политики и общественных инициатив в сфере русификации, слабый ассимиляторский потенциал русского общества в целом, административно-командные меры по воплощению ограничительной политики. Как следствие, в обществе распространялись и усиливались пропольские настроения, на окраинах наблюдался рост сепаратизма и национализма.

При этом, как отмечают историки, в последние два десятилетия XIX в. власти скорее решали на западных окраинах империи не наступательные русификаторские, а оборонительные задачи, вводя целый ряд ограничений на приобретение здесь земли не только поляками, но и немцами, а затем и любыми иностранными подданными [3, с. 33; 7, с. 73]. Здесь явно прослеживается тенденция, говоря современным языком, протекционизма и «импортозамещения». Лозунг «Россия для русских», обычно приписываемый Александру III или М.Д. Скобелеву, еще не означал «Россия только для русских» или «в угоду русским», а, напротив, возлагал на наш народ добровольно взятую ответственность за судьбу России и населяющих ее народов. «“Россия для русских и для всех народностей русского государства, которые органически сошлись с русским народом и считают Россию своим отечеством” – именно так раскрывался этот базовый постулат русских националистов начала XX в.» [3, с. 93]. Национал-либералы и национал-демократы несколько иначе, чем правые, понимали суть этого лозунга.

Что касается русификации костела, то в 1880-е гг. против этой политики активно выступали министр внутренних дел Д.А. Толстой и обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, убеждавшие других высших администраторов в реальности угрозы «латинского» прозелитизма и в несоразмерности чаемых выгод степени политического риска при проведении этой меры [2, с. 278].

В общественно-государственном дискурсе второй половины XIX в. явно обозначились разнородные по сути и духу нациопроекты. Концепция полиэтнической государственности М.Н. Каткова в его трактовке означала сохранение целостности и неделимости единого унитарного государства в противовес автономизации имперского пространства

и усилению националистических тенденций¹⁶. Эта концепция вступала в жесткое противоборство с другой концепцией в общественно-государственном дискурсе, предлагавшей избавиться от «бунтующих» окраин во имя сохранения русско-украинско-белорусского ядра. В этом видели самосохранение и саморазвитие России как империи наши националисты, считавшие, что «каждый вполне определившийся народ, как например, финны, поляки, армяне и т.д., имели на *своих исторических территориях* (курсив М.О. Меньшикова. – А.Л.) все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения»¹⁷.

Вопрос о «сближении разнородных элементов» – вот на что должны быть направлены действительно усилия государства и общества, по мнению Каткова. И гораздо важнее, «чтобы человек исповедовал какую-нибудь веру, чем оставался без всякой веры или, как наши нигилисты, полагал свою религию в духе отрицания и с бессмысленным фанатизмом служил этому божеству»¹⁸.

XIX в. стал свидетелем раскола русской элиты: одни стали проводниками имперского сознания, другие – секулярного, нигилистического. Каждый по-своему понимал свободу личности: одни как преданность Отечеству и ответственность перед ним с определенными обязанностями, другие – как борьбу против государства и традиций, опрокидывая многовековой русский государственный проект. И.С. Аксаков писал: «Половина общества так воспользовалась предоставленной ему от правительства свободой, что живет за границей и воспитывает там своих детей; наши будущие русские деятели готовятся не только вдали от России, но в атмосфере ей чуждой и враждебной, под воздействием иных просветительских начал, с детства усваивают себе точку зрения, с которой менее всего понятна Россия. Те же, которые воспитываются дома, в России, в общественных заведениях, относятся отрицательно ко всему, что дорого и свято русскому народу: кроме чиновников и нигилистов, ничего не создает наше общественное воспитание»¹⁹.

Нигилизм опасен своим отношением к собственной истории и культуре, разделяя эпохи, людей, вождей, традиции и т.д. на «белое» и «черное». Единая ткань истории рвется, и целостность восприятия национально-культурного кода народа трансформируется в некие отдельные

¹⁶ Катков М.Н. Письмо к Александру III февраль 1884 г. // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климако; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 730.

¹⁷ Меньшиков М.О. Из писем к ближним / вступ. ст. М.Б. Поспелова. М., 1991. С. 175.

¹⁸ Катков М.Н. О свободе совести и религиозной свободе (римско-католическое исповедание) // Катков М.Н. Идеология охранительства / сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 449.

¹⁹ Аксаков И.С. Отчего так нелегко живет в России // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / сост. и коммент. С. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 278.

метаморфозы. Глубоким водоразделом подобного модифицирования для многих представителей интеллектуальной элиты стали события 1917 г. Разделение на Россию национальную и Советский Союз, вдохновляемый большевиками, которые оценивались в качестве «внутреннего вампира»²⁰, утверждало две отличные друг от друга истории одного народа.

Полемичным в общественно-государственном дискурсе оставался вопрос о соотношении русской национально-культурной идентичности и гражданской идентичности, о «советскости» и «русскости». Свою актуальность проблема сохраняет и сегодня, в т.ч. и в исследовательском поле. Важное значение имеет «работа по “сшиванию” всех этапов отечественной истории в единое целое, предполагающая снятие конфликта между “советским” и “русским” хотя бы на идеологическом уровне» [10, с. 12]. Эта работа исключительно ключевая в вопросе формирования национально-культурной идентичности и поколенческих решений. Поэтому появление в публичном дискурсе исследований, посвященных ключевой комплексной проблеме понимания «русскости» в национально-культурной идентичности, взаимопроникновению русского и советского, можно считать, несомненно, достижением современной историографии²¹.

Отметим, что в XIX в. И.С. Аксаков высказал мысль о том, что «нет государства без господствующей народности»²², русский народ является стержнем российской государственности. В 30-х гг. XX в. эта мысль, по сути, воплощается в новом нациопроекте, предложенным Сталиным и отличным, например, от бухаринского «национального большевизма». Вокруг русского народа сплотить новую общность советских людей было легче, чем на его отрицании. Главной ценностью в сталинском нациопроекте выступало осмысление исторического прошлого русского народа, сплоченного на понятиях «отечество», «родина», «патриотизм». Неслучайно в 1930-е гг. история как предмет и наука возвращается в школы и вузы, а интеллектуальная элита озадачивается подготовкой нового школьного учебника по отечественной истории. Социалистическая историческая общность людей под названием «советский народ» осмысливается как результат многовекового объединения отдельных групп наций, что не позволяет отрицать национальные традиции и ценности

²⁰ Ильин И.А. Пути России. М., 2007. С. 265; Ильин И.А. Кому принадлежит наша лояльность. 18 мая 1948 г. // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1 / сост., предисл. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 2008. С. 47–48; Ильин И.А. Как русские люди превращаются в советских патриотов? 3 сентября 1948 г. // Там же. С. 79–81.

²¹ См., например, альманах «Тетради по консерватизму» (2024. № 1). Тема номера: «Русское и советское: взаимоисключающее тождество?».

²² Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы. Хрестоматия / сост. И.Ю. Демин, А.А. Ширинянец; под ред. А.А. Ширинянца. М., 2012. С. 58–65.

народов, но выступает объективной необходимостью и условием единства многонациональной Руси. На этом фундаменте воспитывалось национальное сознание юного поколения, которое проявило себя в итоге мощным национальным фактором в противостоянии СССР гитлеровской агрессии в годы самой беспощадной войны в истории человечества.

Фундаментальные основы своей идентичности, верность культурному коду и духовно-нравственным традициям скрепляют государство-цивилизацию. «Русскость» и «советскость» – понятия скорее взаимодополняющие, нежели противостоящие друг другу, поскольку обращены к качественным характеристикам русского народа. В иерархии духовных ценностей его превалировали идея братского славянского единения, «мир» и «соборность», чуждость религиозной и этнической нетерпимости, способность к вживанию в чужие этносы, доставшаяся от славян, что приводило к ассимиляции не русскими, а русских.

Жертвенность и готовность отдать жизнь за других, что особенно ярко выразилось в Великую Отечественную войну, стремление к справедливости, как верно замечают исследователи, «способно поделиться последним со страдающим ближним (не обязательно близким!)» [11, с. 39]. Хотя, действительно, квинтэссенция справедливости в выстраиваемом советском обществе вставала в дисгармонию с христианским пониманием, невозможным без милости и прощения. Нельзя не согласиться, что «советские экономические ценности – по большей части ценности коллективного блага и нестяжательства» [14, с. 46]. Преваляющей в общественном сознании и русского подданного на протяжении веков и, в т.ч. в советское время, оставалась ценность государства. Советский Союз, действительно, стал наследником русской идеи как социально-аксиологической доктрины государства – носителя высших смыслов, гаранта справедливости и гармоничного взаимодействия индивидуального и социального.

Все это сильно отличалось от качества духовной составляющей западных империй, например, от английского присутствия в Индии²³. Даже в Сибири, куда устремились потоки малороссов и белорусов после ликвидации унии в 1839 г., все три русских народа жили рядом. При заселении переселенческих участков не делалось различия по этническому признаку. Поэтому межэтнических браков между русскими и украинцами или белорусами было гораздо больше, чем на их этнической родине, как показывают исследования крупнейшего историка-аграрника В.Г. Тюкавкина. К моменту переписей 1926 и 1939 г. значительное число украинцев называли родным языком русский [15, с. 57].

²³ Аксаков И.С. Наши нравственные отношения с Польшей // Аксаков И.С. Наше знамя – русская народность / сост. и коммент. С. Лебедева; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 285.

Наша перманентная модернизация в разных ее вариантах – дореволюционная, столыпинская, сталинская – все время задавала некий вектор идентичности. И мы по-своему в него встраивались. Поэтому важно сегодня быть верными историческому прошлому своего Отечества и противостоять радикальному разрыву с традицией, чтобы на традиционном историческом фундаменте продолжать формировать национально-культурную и гражданскую идентичность личности.

Библиографический список / References

1. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. [Valitsky A. V krugu konservativnoj utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofilstva [In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of Russian Slavophilism]. Moscow, 2019.]
2. Западные окраины Российской империи. М., 2007. [Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii [Western suburbs of the Russian Empire]. Moscow, 2007.]
3. Иванов А.А. Вызов национализма. Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. М., 2016. [Ivanov A.A. Vyzov nacionalizma. Lozung «Rossiya dlya russkih» v dorevolucionnoj obshchestvennoj mysli [The challenge of nationalism. The slogan “Russia for Russians” in pre-revolutionary public thought]. Moscow, 2016.]
4. Иванов А.А. Православная церковь и русский национализм во второй половине XIX – начале XX в. // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 60–83. [Ivanov A.A. Orthodox Church and Russian nationalism in the second half of XIX – beginning of XX century. *Orthodoxy*. 2021. No. 4. Pp. 60–83. (In Rus.)]
5. Киселев А.Ф., Лубков А.В. Человек в зеркале столетий. Поиски идеалов личности от античности до наших дней. М., 2020. [Kiselev A.F., Lubkov A.V. Chelovek v zerkale stoletij. Poiski idealov lichnosti ot antichnosti do nashih dnei [Man in the Mirror of Centuries. The search for personal ideals from antiquity to the present day]. Moscow, 2020.]
6. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. [Komzolova A.A. Politika samodержaviya v Severo-Zapadnom krae v epohu Velikih reform [The policy of autocracy in the North-Western Territory in the era of the Great Reforms]. Moscow, 2005.]
7. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. [Miller A.I. Imperiya Romanovyh i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya [The Romanov Empire and nationalism: Essays on the methodology of historical research]. Moscow, 2008.]
8. Нарезный А.И. И.С. Аксаков о «качественной силе» русского народа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 5. № 3. С. 755–795. [Narezny A.I. I.S. Aksakov on the “qualitative strength” of the Russian people. *Historia provinciae*. 2022. Vol. 5. No. 3. Pp. 755–795. (In Rus.)]
9. Перевалова Е.В. «Московские ведомости» М.Н. Каткова в 1863–1864 гг. – политический официоз или орган независимого общественного мнения? //

- Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4. С. 163–179. [Perevalova E.V. M.N. Katkov's "Moscow Vedomosti" in 1863–1864 – political officialization or an organ of independent public opinion? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2015. No. 4. Pp. 163–179. (In Rus.)]
10. Поляков Л.В. Слово к читателю // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 11–12. [Polyakov L.V. Word to the reader. *Tetradi po konservatizmu*. 2024. No. 1. Pp. 11–12. (In Rus.)]
 11. Пущаев Ю.В. Одна или три страны? О преемственности и разрывах в русской истории // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 34–41. [Pushchaeв Yu.V. One or three countries? On continuity and ruptures in Russian history. *Tetradi po konservatizmu*. 2024. No. 1. Pp. 34–41. (In Rus.)]
 12. Радченко А.А. Славянофилы об «Обрусении» Северо-Западного края Российской империи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 140–145. [Radchenko A.A. Slavophiles about "Obrusenie" of the North-West territory of the Russian Empire. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2010. No. 13 (84). Issue 15. Pp. 140–145. (In Rus.)]
 13. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: сборник / пер. с англ. И.Е. Киселевой, М.Ф. Носовой. М., 2022. [Toynbee A. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization on trial]. I.E. Kiseleva, M.F. Nosova (transl. from English). Moscow, 2022.]
 14. Тяпин И.Н. Русское и советское в цивилизационном пространстве России как основания национально-имперской синергии // Тетради по консерватизму. 2024. № 1. С. 42–48. [Tyapin I.N. Russian and Soviet in the civilizational space of Russia as bases of national-imperial synergy. *Tetradi po konservatizmu*. 2024. No. 1. Pp. 42–48. (In Rus.)]
 15. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. [Tyukavkin V.G. *Velikorusskoe krestyanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and Stolypin's agrarian reform]. Moscow, 2001.]

Статья поступила в редакцию 15.07.2024, принята к публикации 04.09.2024

The article was received on 15.07.2024, accepted for publication 04.09.2024

Сведения об авторе / About the author

Лубков Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования; ректор, Московский педагогический государственный университет

Alexey V. Lubkov – Dr. Hab. (History), Academician of the Russian Academy of Education; Rector, Moscow Pedagogical State University

E-mail: av.lubkov@mpgu.su